ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ХРАМА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

2018/3(79)

Правда Православія

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Великий пост и Пасхальные торжества в храме Архангела Михаила 2 Крестный ход в честь Иерусалимской иконы Божией Матери в Неделю святых Жен-мироносиц 5 ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ. В. Басенков. Успенская единоверческая община города Симбирска 9 ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ. П.Г. Чистяков. Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской 17 ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ. А. Борзых и Л. Перфильева. Борис Викторович Шергин 27 ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ. А. Севастьянов. Враги 35

Крестный ход. Спуск к Петрову ключу в Михайловской Слободе.
22 апреля 2018 года

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ И ПАСХАЛЬНЫЕ ТОРЖЕСТВА В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Плащаница. Икона «Положение во гроб Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа»

Святая Четыредесятница является особенным временем в жизни каждого православного христианина. В течение семи недель Великого поста верующие через воздержание и молитву очищают свои души, стараются вырваться из обычного круга суеты повседневной жизни, обращаясь из глубин своих сердец к Богу.

Отрадно было видеть молитвенный порыв и покаяние многих прихожан Михаило-Архангельского храма, которые с первой недели Четыредесятницы и до самого ее завершения вместе со Святой Церковью участвовали в великопостных богослужениях, призванных пробудить души молящихся от греховного сна и подготовить к достойной встрече Светлого Христова Воскресения. Службы чтения Великого канона на первой седмице и Мариино стояние на пятой седмице, поклонение Святому Кресту в середине постного поприща, еженедельные литургии Преждеосвященных Даров и воскресные — Василия Великого, многие сотни земных поклонов и молитв преподобного Ефрема Сирина — все это способствовало тому, чтобы каждый прихожанин глубже осознал, прочувствовал и исповедал свою греховность и через изменение своего ума приблизился к своему Избавителю и Спасителю.

За душеполезной Четыредесятницой последовала Страстная седмица — время воспоминания и переживания заново последних дней земной жизни Господа Исуса Христа: богомудрые притчи первых трех дней и последние напутствия ученикам, предательство Иуды, установление Божественной Евхаристии и, наконец, служба Страстей Христовых.

Великая Суббота в нынешнем богослужебном году совпала с праздником Благовещения Пресвятой Богородицы. «Днесь спасению нашему начаток...» (тропарь Благовещения) и «Да молчит всяка плоть человеча» (вместо Херувимской песни на литургии Великой Субботы) — все домостро-

ительство спасения человеческого рода проходит перед глазами молящихся: от смиренного согласия Пречистой Девы стать Матерью Света до положения Ее Безначального Сына во гроб, схождения во ад и победы над смертью. В эти скорбно-торжественные дни храм Архангела Михаила был наполнен прихожанами, более сотни из них очистили свои души последним в посту покаянием и стали причастниками Пречистого Тела и Крови Христовой.

Светлое Воскресение Христово было одним из самых ранних — 26 марта/8 апреля. Снежная, порой суровая зима, начавшаяся по-настоящему лишь в день праздника Рожества Христова, но не оставлявшая своих прав в течение трех месяцев, окончательно сдалась в день Пасхи Христовой. Еще лежали на земле метровые сугробы, но праздничное ликующее солнце встречало Солнце Правды — Христа. В «сию спасительную и всепразднественную нощь» богослужение в храме Архангела Михаила началось чтением канона Великой субботы в 22 часа. Перед встречей Восставшего из гроба Христа надлежало еще раз услышать о Его страстях и погребении. Канон читался священноиереем Валерием Булычевым перед Плащаницей — иконой Положения во гроб Господа Исуса Христа. На девятой песне канона при пении ирмоса «Не рыдай Мене, Мати» Плащаница уносится священнослужителями во святой алтарь. Следуют окончание богослужения и последние приготовления к Крестному ходу вокруг церкви.

Настоятель храма Архангела Михаила священноархимандрит Иринарх запевает стихеру шестого гласа «Воскресение Твое Христе Спасе», хор подхватывает священные слова и торжественная процессия посолонь исходит из церковных врат, которые закрываются после исхождения последних богомольцев. Три круга неспешного шествия с пением той же стихеры заканчиваются, хоругвеносцы выстраиваются с иконами у закрытых врат, обращаясь лицом на запад, а духовенство, став напротив, возглашает спасительные слова «Христос Воскресе из мертвых, смертию на смерть наступи и гробным живот дарова». Хор и богомольцы подхватывают эти строки и повторяют многократно, чередуясь со священническими возглашениями пророческих стихов Псалмопевца «Да воскреснет Бог...». Наконец, отверзаются церковные врата и с пением Пасхального тропаря духовенство и все молящиеся входят в храм, диакон Игорь Краев возглашает мирную ектению, и начинается пение Пасхального канона. Торжественные гимны преподобного Иоанна Дамаскина чередуются с малыми ектениями после каждой песни канона, а во время самого пения священники с предшествующим диаконом кадят алтарь, иконостас и молящихся благовонным фимиамом.

В завершении канона исполняется светилен праздника «Плотию уснув», сначала его поет в алтаре отец настоятель, затем чтец Сергий Степанов, а в третий раз весь клирос. За этим следует пение стихов псалмов «Хвалите Господа с небес» и любимые всеми Пасхальные стихеры, после окончания которых священноархимандрит Иринарх особенной погласицей читает поучение святителя Иоанна Златоуста на Святую Пасху.

После окончания Пасхальной заутрени и пения часов начинается Божественная литургия. Все в ней возвышенно и торжественно: антифоны праздника, песнопение «Елицы во Христа крестистеся», попеременное чтение Евангелия священником и диаконом, сопровождаемое троекратными ударами колоколов после каждой фразы зачала от Иоанна Богослова, и, конечно, многократно повторяемый тропарь праздника, веселящий души всех богомольцев.

Завершается Божественная литургия. После прочтения приветственных слов Святейшего Патриарха Кирилла и Высокопреосвященнейшего Ювеналия на Светлое Воскресение Христово, все богомольцы пред самым рассветом исходят из храма для освящения брашен и взаимно поздравляют друг друга с Пасхой Христовой.

Воспитанники Воскресной школы храма Архангела Михаила на детском Пасхальном празднике.
15 апреля 2018 года

А спустя несколько часов в Георгиевском алтаре священноархимандрит Иринарх совершил вторую Божественную литургию, продолжив Пасхальные торжества в храме Архангела Михаила.

Праздничные службы собирали немало богомольцев и в дни Светлой седмицы. А в Неделю Фомину совершилось торжество в Воскресной школе храма.

По традиции в последние недели перед Светлым Воскресением Христовым учащиеся под руководством Юлии Борисовны Ромашиной подготовили программу, которая состояла из песнопений, стихотворений и музыкальных номеров и была представлена вниманию родителей и гостей детского Пасхального праздника. Это событие стало достойным завершением учебного года Воскресной школы.

КРЕСТНЫЙ ХОД В ЧЕСТЬ ИЕРОСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В НЕДЕЛЮ СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

Крестный ход. Деревня Чулково.
22 апреля 2018 года

Теплая весенняя погода первой декады после Пасхи резко изменилась перед Неделей святых Жен-Мироносиц, когда в приходе Михаило-Архангельского храма ежегодно совершается традиционный Крестный ход, посвященный событиям полуторавековой давности — чудесному избавлению жителей Михайловской Слободы и окрестных деревень от свирепствовавшей эпидемии холеры благодаря принесению древней Иерусалимской иконы Божией Матери из града Бронниц. В субботу, накануне самого Крестного хода, в столице и Подмосковье пронесся немалой силы ураган, принесший с собой ливневые дожди и холод. Последствия стихии продолжали весьма сильно ощущаться и в воскресный день: временами возобновлялся дождь

Крестный ход. Деревня Чулково. *22 апреля 2018 года*

и почти без перерыва дул очень сильный холодный ветер.

Несмотря на неблагоприятную погоду, Крестный ход начался в обычное время. После совершения Божественной литургии и краткосрочных приготовлений ровно в полдень начался молебен перед Иерусалимской иконой Пресвятой Богородицы, и с началом пения канона Пречистой Деве богомольцы отправились в путь. Нужно отметить, что непогода не повлияла на благочестивый настрой михаило-архангельских прихожан и гостей праздника, собравшихся в этот день в Михайловской Слободе, их число было почти таким, как и в прошлые годы. Несомненно, трудно пришлось в этот день клирошанам и тем мужчинам-прихожанам, которым довелось нести на своих плечах икону Пресвятой Богородицы (от сильного ветра во второй половине пути не выдержала и сломалась конструкция, удерживавшая на особых носилках икону, и последние километры образ Пресвятой Богородицы несли попеременно на руках). Однако все эти неудобства и трудности только помогали участникам Крестного хода

Крестный ход. На подходе к храму Архангела Михаила. *22 апреля 2018 года*

острее почувствовать свою сопричастность этому замечательному событию.

...За спуском процессии в Михайловскую Слободу последовала первая остановка у Петрова ключа, где после шестой песни канона, в начале пения акафиста Пресвятой Богородицы священнослужители окропили родниковой водой всех богомольцев. Затем Крестный ход продолжился в восточном направлении, дойдя до конца села и развернувшись в обратную сторону. Как всегда на пути у своих домов ожидали икону Божией Матери местные жители, желая по обычаю пройти под ней. Окончание пения акафиста совпало с прибытием на следующий родник у пруда. Здесь было прочитано Святое Евангелие и желавшие освежили свои силы ключевой водой. С пением водосвятных стихер «Радуися яже от Ангела радость приемши» участники шествия отправились в дальнейший путь и достигли Суздалева ключа в то время, когда необходимо было читать Апостол и Святое Евангелие. После совершения чина освящения воды и окропления богомольцев с чтением седьмой песни канона Пресвятой Богородицы

Окончание Крестного хода. Молитва перед иконой Пресвятой Богородицы. *22 апреля 2018 года*

Крестный ход был продолжен. С молитвами и песнопениями, прохождениями под иконой сельских жителей незаметно пройдены километры пути, и богомольцы вошли в деревню Кулаково, где у дома Лидии Алексеевны Булычевой был завершен молебен Божией Матери. Хозяйка дома с домочадцами и родными милостиво призвали всех молящихся подкрепить свои силы праздничной трапезой, а между тем икона Пресвятой Богородицы продолжила свой путь – прибывший ранее к этому месту священноархимандрит Иринарх с певчими и хоругвеносцами отправились дальше с пением молебна Святой Пасхе.

Стихия все же внесла некоторые изменения в обычный порядок Крестного хода, и было принято решение не подниматься в этот день на Боровской курган, а после посещения мемориальной часовни в деревне Чулково отправиться в обратный путь к храму Архангела Михаила.

Четыре с половиной часа длилось в этот раз непрерывное шествие Крестного хода, без обычных остановок. В половине пятого вечера его участники достигли родного храма, где были встречены колокольным звоном.

У Святых врат перед иконой Пресвятой Богородицы отцом настоятелем была прочитана благодарственная молитва Божией Матери, а после окончания богослужения в святом храме священноархимандрит Иринарх произнес проникновенную проповедь, посвященную благодеяниям Спасителя и Пречистой Девы роду христианскому.

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

ВЛАДИМИР БАСЕНКОВ. УСПЕНСКАЯ ЕДИНОВЕРЧЕСКАЯ ОБЩИНА ГОРОДА СИМБИРСКА

23 июля 2017 года на старом городском кладбище Ульяновска была открыта отреставрированная могила-склеп первого единоверческого священника Симбирска священноиерея Саввы Банцекова и его родственников. 13 ноября 1854 года симбирский епископ Феодотий подписал благословенную грамоту, согласно которой древняя Успенская церковь, основанная в одно время с городом в середине XVII века, передавалась присоединившимся старообрядцам спасового согласия. Священником был поставлен «старец Савва», родственник симбирских купцов Банцековых.

И по своему содержанию, и по значению для истории Успенской церкви, и по важности для истории православия в крае текст грамоты необходимо привести дословно:

Божиею милостию Смиренный Феодотий
Епископ Симбирский

Благословен Бог Отец, и Единородный и Единосущный Его Сын, Господь наш Исус Христос, и Дух Святый, Истинный Господь и Животворящий, Божественною Своею благодатию сохраняяй Свою Святую, Соборную и Апостольскую церковь, по непреложному обетованию Его, непоколебиму, и вратами адовыми неодолиму, вселяй единомысленныя в дом духовный, соединенных в вере соблюдаяй в единении, разделенных недоумениями приводяй в соединение, да будем вси, по слову Господню, едино стадо единаго Пастыря Господа нашего Исуса Христа, и вси, по слову Апостольскому, едино Тело Его, исполняющего всяческая во всех.

Чтено и рассмотрено нами прошение общества глаголемых етарообрядцев града Симбирска, изъявивших благочестивое желание, и просящих, ради спасения и соединения со Святою Апостольскою Церковью, дабы одна из древнейших града Симбирска церквей во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Успения с придельною во имя Святителя и Чудотворца Николы передана была вам для совершения в ней богослужения, без всякаго умаления и прибавления, по церковным книгам, печатанным по благословению Святейших Патриархов Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа, и Иосифа, и дабы рукоположен был для вас к той церкви во иереи избранный вами старец Савва Банцеков. И возблагодарили мы Бога о душах, ищущих праваго и ничем не прегражденнаго пути спасения, и возлюбивших соединение со Святою Апостольскою Церковью.

Прошение ваше, присныя отныне чада Святыя Апостольския Церкви, явилось благословенно и к исполнению возможно. На передачу просимаго вами храма и рукоположения к оному во иерея избраннаго вами старца Саввы дано благословение от Святейшаго Синода.

Сему последовательно, и наша мерность, по благодати, дару и власти данней Нам от великаго Архиерея Господа и Бога, и Спаса нашего Исуса Христа, чрез святых Его Апостолов и святых Отцев, благословляем и определяем древнюю Симбирскую Успенскую с придельною в ней во имя Святителя и Чудотворца Николы церковью передать вам сообразно с вашими понятиями о древности.

Преподать вам древний со святыми мощами антиминс, освящения Святейшаго Патриарха Филарета, приятый мною по благословению Святейшаго Синода, от Преосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета и старопечатныя Богослужебныя книги.

При сей церкви быть вышереченному рукоположенному нами иерею Савве.

Совершать ему священнослужение по книгам, печатаным по благословению Святейших Патриархов Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа и Иосифа без умаления и прибавления, и при том так, чтобы чин и обряд сего храма не были нару-

Успенская единоверческая церковь города Симбирска.
Иллюстрированный путеводитель по Волге. 1898 год

шаемы посторонними лицами, различествующими в обрядах.

Присвоить сей церкви права, предоставленныя от Святейшаго Синода единоверческим церквам, указом 6 февраля, 1801 года.

При сем без всякаго недоумения да будет ведомо вам, что изреченное Собором 1667 года проклятие положено на не покоряющихся Святой Восточной Церкви, и освященному Собору, яко еретиков и непокорников. И следственно, вступивши в мир и соединение со Святою Апостольскою Церковью, поелику сим являют, что они не суть противники, то по самой силе определения Собора 1667 года, должны быть разрешены, и разрешаются и пребывают свободны от изреченнаго тем Собором проклятия. При сем надлежит принять во внимание, что писанное в книге Стоглаве о знамении честнаго креста и о сугубой аллилуи и о прочем, Собор 1667 года хотя нашел не сходными с древними греческими и славянскими книгами, и сего не одобрил, однако на сию книгу и на писанное в ней, и на упоминаемый в ней Собор, своего проклятия не положил, разсуждая, что писано то по неведении, и что составившие описанный в сей Собор не были противниками Церкви. И потому Святейший Синод против суждения Собора 1667 года, и благословно вступившим в мир и соединение со Святою Апостольскою Церковью, по снисхождению разрешает обычное для них употребление вышеупомянутых и прочих подобных обрядов. Благодать Господа нашего Исуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святаго Духа да будет со всеми, ради спасения, пришедшими и приходящими в соединение со Святою, Соборною и Апостольскою Церковью. Аминь. В Богоспасаемом граде Симбирске, лета Господня 1854, октября 31 дня».

В путеводителе по храмам Симбирска Александра Яхонтова, изданном в 1898 году, об Успенской единоверческой церкви сообщалось следующее:

«Успенская церковь построена в 1867 году тщанием прихожан и священника ея Саввы Банцекова. Зданием — каменная, с такою же колокольнею. Построена на подобие корабля, в византийском стиле; снаружи и извнутри оштукатурена, покрыта листовым железом, окрашена медянкою. Длина и ширина холодной церкви — четыре саже-

ни, длина теплой — три сажени и полтора аршина, ширина 3 сажени, 2 аршина 14 вершков. Вся церковь, кругом обнесена оградою; прежде был деревянный забор. Среди ограды ворота, а на одном углу — часовня.

Освящена Успенская церковь в 1868 году. В ней три престола: главный, в холодном отделении, во имя Успения Божией Матери, второй, с правой стороны трапезы, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; третий, с левой стороны трапезы, во имя святителя и чудотворца Николая. Святый алтарь холодной церкви длиною семь аршин, а шириною 10 аршин и 15 вершков, круглый; пол в нем — деревянный... В святом алтаре находятся четыре иконостаса, окрашенные кармином, местами позолоченные.

Особенное внимание обращает на себя иконостас на Горнем месте. В середине его — икона Успения Божия Матери с двенадцатью апостолами; каймы образа кругом обложены серебром. Выше этой иконы — небольшая икона Божией Матери, Спасителя и Иоанна Крестителя; на самом верху — икона Пресвятыя Троицы. Ангелы и серафимы на иконе Успения Божией Матери — все с венцами серебра. По преданию, эта икона перенесена из бывшей Успенской церкви.

Предалтарный иконостас — столярной работы, окрашен кармином; на нем колонны, резьба и царския двери, изображающие животворящий Крест Господень... В общем это тот древний иконостас, который был перенесен из прежней Успенской церкви. Однако он потерпел значительные изменения. Новые придатки к нему так явственны, что сразу бросаются в глаза. Существенно изменены также и царския двери: прежде они были сплошныя, теперь представляют форму восьмиконечнаго животворящаго Креста Господня. Изображенные на дверях, равно как и местныя иконы прежней церкви заменены теперь новыми, Московской работы. Прежние местные иконы частию поставлены в Успенской часовне под горою, частию находятся в церкви, но уже на других местах.

В поступательном порядке иконы расположены в иконостасе так: в нижнем, первом ярусе, по правую сторону царских врат — Преображение Господне, святой пророк Захария (на южной двери), Живоначальная Троица, по левую сторону — Успение Божией Матери, Архангел Гавриил (на северной двери), Вознесение Господне. Над местными иконами и царскими дверями, во втором ярусе, — Тайная Вечеря и двунадесятые праздники; в третьем ярусе — Коронование Божией Матери и святые апостолы; в четвертом ярусе — Спаситель и святые пророки: в пятом ярусе — Живоначальная Троица и святые праотцы, Введение во храм Пресвятой Богородицы и Сретение Господне. Над пятым ярусом изображено снятие Господа со креста и положение во гроб. Весь иконостас оканчивается крестом; вокруг креста — вызолоченная резьба; по двум сторонам креста предстоящие Божия Матерь и Иоанн Богослов.

В прочих местах холоднаго отделения церкви выделяются все те иконы, которые, по преданию, принесены из бывшей Успенской церкви. Таковы иконы: за правым клиросом — Иоанна Крестителя и Предотечи Господня, изображенная в виде ангела (в прежней Успенской церкви эта икона стояла также за правым клиросом холодной церкви); за левым клиросом — Смоленская икона Божией Матери (в бывшей Успенской церкви находилась в трапезе с левой стороны), по преданию — этой иконе около 200 лет, среди прихожан церкви она пользуется особым почитанием, недавно на икону сделана риза и новый киот; Владимирская икона Божией Матери, "Всех скорбящих Радосте", святаго Иоанна Воина.

Капитальною стеною, небольшою аркою, узким коридором холодная церковь отделяется от теплой, трапезной. Оба трапезные придельные алтари одинаковой длины и ширины (5 аршин), четырехугольные, окрашены кармином, местами позолочены; полы в них деревянные.

Из икон в этой части храма необходимо отметить Казанскую икону Божией Матери, находящуюся на левой стороне царских врат в Покровском приделе. Икона в ризе малиноваго бархата, шита мелким и крупным жемчугом, осыпана разноцветными камнями; на

Предвечном Младенце — риза золотой парчи, украшена крупным китайским жемчугом; кругом икона обложена непробным серебром, венцы — позлащенные серебряные; помещена за стеклом в раму, выкрашенную желтой краской. В Успенской старой церкви она была местною, на поклоне, иконою в Никольском приделе. В том же, Покровском приделе находится местная икона Спасителя, бывшая в прежней церкви местною в Успенском предалтарном иконостасе. Икона Святителя и чудотворца Николая, помещающаяся теперь за левым клиросом в Никольском приделе, в том же приделе и за тем же клиросом стояла и в прежней Успенской церкви.

В трапезной церкви на правой стене обращает внимание на себя образ Пресвятыя Богородицы, како явися преподобному Сергию. Размером она 5х7 вершков, в серебряном окладе; кругом иконы изображены события из жизни преподобнаго Сергия. Внизу иконы надпись, передающая слова Пресвятой Богородицы преподобному: "Не ужасайся избранниче мой, се приидох посетити тя. Услышана бо бысть молитва твоя о ученицех твоих, о них же молишися, и о обители твоей, да не скорбиши прочее, отныне всеми изобиловати будут в животе сем, коим по отхождении ко Господу твоем неотступно буду во веки". Рассказывают, что икона эта оказалась мироточивой перед сильным пожаром, бывшим в Большой Конной улице в 1851 году "принесена в церковь старицей Матреной Васильевой из дома Кузнецовых". Особенной святыней Успенской церкви является икона с частицами святых мощей неизвестных святых Божиих, принесенная в церковь в последнее время и приделанная над северною дверью Покровскаго придела.

Священник Успенской церкви Петр Чесноков, делегат Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев. *1912 год*

Заботами преосвященнаго Феодотия, епископа Симбирскаго, об единоверной пастве своей Успенская церковь обязана тем, что в ней есть такая замечательная церковная древность, как "холщовый" антиминс, освященный в 7139 году Филаретом, патриархом Московским.

Только любовию прихожан церкви к предметам нашей церковной древности можно объяснить, что в теперешней Успенской церкви города Симбирска, младшего брата в сравнении с другими городами святой Руси, есть такие редкие экземпляры церковной древности, как следующие:

1. Святый антиминс (6851) года.

2. Другой антиминс (7134) года.

3. Святое напрестольное евангелие, напечатанное в 7113 году в царствующем граде Москве "при державе Благовернаго и Христолюбиваго Государя Царя и Великаго Князя Василия Ивановича всея Руси в первое лето благовернаго его царьствия при паствe святейшаго Ермогена патриарха Московскаго и всея Руси, в первое лето святительства его". В 1855 году на это евангелие сделана серебряная оправа; средник евангелия, распятие, и евангелисты — чеканные.

4. Евангелие, напечатанное в Москве при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете в 7136 году; оно в бархатном переплете малиноваго цвета, средник и евангелисты — медные, позолоченные.

5. Евангелие, напечатанное при патриархе Иосафе в Москве в 7145 году; оно в переплете, обложено малиновым бархатом; средник и евангелисты – медные, позолоченные; кругом обложено серебром; ножки и застежки литыя...

6. Евангелие, напечатанное при патриархе Иосифе в 7159 году на полуалександрийской бумаге небольшаго формата; на нем переплет, корешок, верхняя и нижняя доска обложены чеканным серебром; ножки и застежки – литыя; это евангелие в 1868 году украшено "от усердия священником Саввою Банцековым".

7.Псалтырь 7144 году с надписью: "Сия книга глаголемая псалтирь приказу Большого Дворца подъячего Ивана Лихвинцева". Надпись проходит по всем листам.

8. Апостол, напечатанный в Москве в лето 7143 при патриархе Иоасафе.

9. Апостол, напечатанный при патриархе Иосифе в 7152 году.

10. Апостол, напечатанный в Москве при патриархе Иосифе в 7156 году, в лето седьмое его патриаршества.

11. Триодь цветная 7144 года с надписью следующаго содержания: "Сию книгу пожаловал Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович Всея Руси в Переславскаго уезда Залескаго в старую Александровскую слободу в церковь Усекновения Честныя Главы Иоанна Предотечи при попе Луке лета (7155) году апреля в 1 день а подписал сию книгу Приказа Большого Дворца подьячий Георгий".

От прежней Успенской церкви перешли к теперешней Успенской церкви, кроме святых икон, еще святый потир серебряный, вызолоченный, в решетке, с таковыми же дискосом, звездицею, лжицею и двумя блюдами, сделанный в 1797 году, и колокол весом в 58 пудов с надписью "1777 году августа 10 дня вылит сей колокол в город Симбирск ко храму Успения Божия Матери".

М.С. Хватков – делегат Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев от Успенской общины. *1912 год*

Последним священником Успенской единоверческой церкви, очевидно, был отец Петр Чесноков, участник I Всероссийского съезда православных старообрядцев 1912 года. Сама церковь просуществовала до 1937 года и была разрушена до основания. В наши дни на ее месте – детский садик и жилой многоквартирный дом. Все, что напоминает о храме, – бетонный фундамент забора...

* * *

Писать о сегодняшней Успенской единоверческой общине трудно. Прежде всего потому, что взгляд предвзятый и несвежий. Подумаешь, симбирские единоверцы. Чего у нас сейчас интересного? Вот, лет сто назад, наверное, только мчались наши земляки на первую архиерейскую хиротонию владыки Симона, засвидетельствовать почтение и разделить всеобщий восторг православных старообрядцев России. К 2018 году мы, не являющиеся потомками, но имеющие дерзновение считать себя преемниками, имеем немного: милостиво переданный для совершения богослужений митрополитом Анастасием храм во имя святой равноапостольной княгини Ольги, молодую во всех смыслах общину да регулярную молитву, что ценим больше всего. Поем наречью, стараемся поддерживать отношения с соседями и вообще всеми единоверцами. Только православ-

Божественная литургия, приуроченная к 163-летию учреждения Единоверия на Симбирской земле. *19 ноября 2017 года*

ный старообрядец поймет своего собрата в стремлении посетить подобный приход на другом конце России или даже мира. Здесь и теплый прием, и простор для глубоких бесед, и понимание. Кузнецк и Малое Мурашкино — наши ближайшие соседи, и священники из тех краев, отец Варсонофий (Яшин) и отец Сергий (Гапонов) никогда нас не оставляют. Приезжают и литургию послужить для прихода, и требы исполнить, и в гости с удовольствием принимают. Уставу и пению церковному обучают, подсказывают по службе, а самое главное, в духовных вопросах не оставляют.

Молиться мы начали в 2013-м. Отец Иоанн Миролюбов и отец Евгений Саранча — первые проводники в мир древлего благочестия. Тогда подсказывали, что делать, да как молиться хотя бы утром и вечером. А потом и в Кузнецк съездили. И началось! Медленно поначалу дело шло, но молиться начали. Стали приезжать на Рождественские чтения — место встречи всех единоверцев, своего рода ежегодный съезд. А где нас еще столько собирается?

Интерес к старому чину начался как интерес культурный. Родное всегда привлекает. Молодые, мы пребывали некоторое время в поисках идентичности. Вроде все понятно, а какой-то цельной основы нет. Познакомились со старообрядчеством. Вот тогда и повернулось внутри: наше, родное. Чувствовалась глубина, основательность, цельность. В храм уже не первый год ходили. Изучали русскую традиционную культуру. Да вот незадача: не находили мы разумной связки. То батюшка народную культуру язычеством назовет, то «народники» про Церковь нелицеприятно выскажутся. А как на старообрядчество посмотришь — гармония и целый мир! Родной.

Но вслед за культурой пришел подлинный восторг от службы. Мы поняли: вот чем

были потрясены послы князя Владимира в Царьграде. Никаких слов не хватит описать ту стройность службы с одной стороны и ее неотмирность с другой. Пение — и впрямь ангелоподобное. Рублевская школа в иконе. Молитва — глубокая и ясная. И с «идентичностью» никаких проблем. Знали мало, но решили твердо: на службе должен быть порядок. Завели правило: мужчинам приходить обязательно подпоясанными, а женщинам под булавку платок закалывать. Стали собираться каждое воскресенье на духовные чтения, изучали Евангелие, святых отцов, Пролог, «Сына церковного» и «Домострой» — пытались из всего большого пласта выстроить какую-то программу для себя. Делали и большие мероприятия: выставки, концерты духовных стихов, даже молодежные слеты с целью погрузить в старинную богослужебную традицию. И постепенно осваивали богослужение.

Медленно собирали книги для службы. Где-то нам помогали, где-то складывались сами. Собирали и старинные книги, и иконы. Бывало, что люди, узнав о нас в интернете, сами звонили, просили приехать и забрать святыню, доставшуюся от умерших родителей: сами уже не молились, а понимали, что это не просто антиквариат. Природных старообрядцев у нас было не так уж много, зато покопавшись в родословной, их буквально все прихожане нашли в нескольких предыдущих поколениях. Люд у нас собрался интересный: почти каждый профессионально или любительски в ремесленном деле подвизается. Кто свечи льет, кто иконы пишет, кто рубахи шьет, и не только. Молодые, семьи растут, дети приходят. Вроде есть у общины будущее, но пока, увы, нет священника. Не вырос еще.

Единоверие для нас ценно и своей глубиной — все ж для нашего удобства огромный евангельский пласт и святоотеческое наследие преобразили в комплекс уставов и молитвенных практик; и культурной средой — мы ведь русские люди, а не безродная масса и хотим продолжать традиции наших предков не как реконструкторские бои, но как живую связь времен и передачу позитивного опыта прошлых поколений. Но вера, конечно, прежде всего. Многому приходится учиться, еще большему — научиться.

В году мы пока с особой торжественностью (помимо двунадесятых) отмечаем три праздника: святой равноапостольной княгини Ольги (ее имя носит наш нынешний храм), Успения Пресвятой Богородицы (его же имя носит община) и день учреждения единоверия на Симбирской земле (13 ноября). Приглашаем отцов-единоверцев с прихожанами из соседних епархий. Есть мечта — собрать однажды представителей всех общин в Симбирске. Но нет возможности, и хочется извиниться за это. Рады всем, но не можем всех принять. На Успение, кстати, всегда служим ночное бдение. Это уже стало доброй традицией.

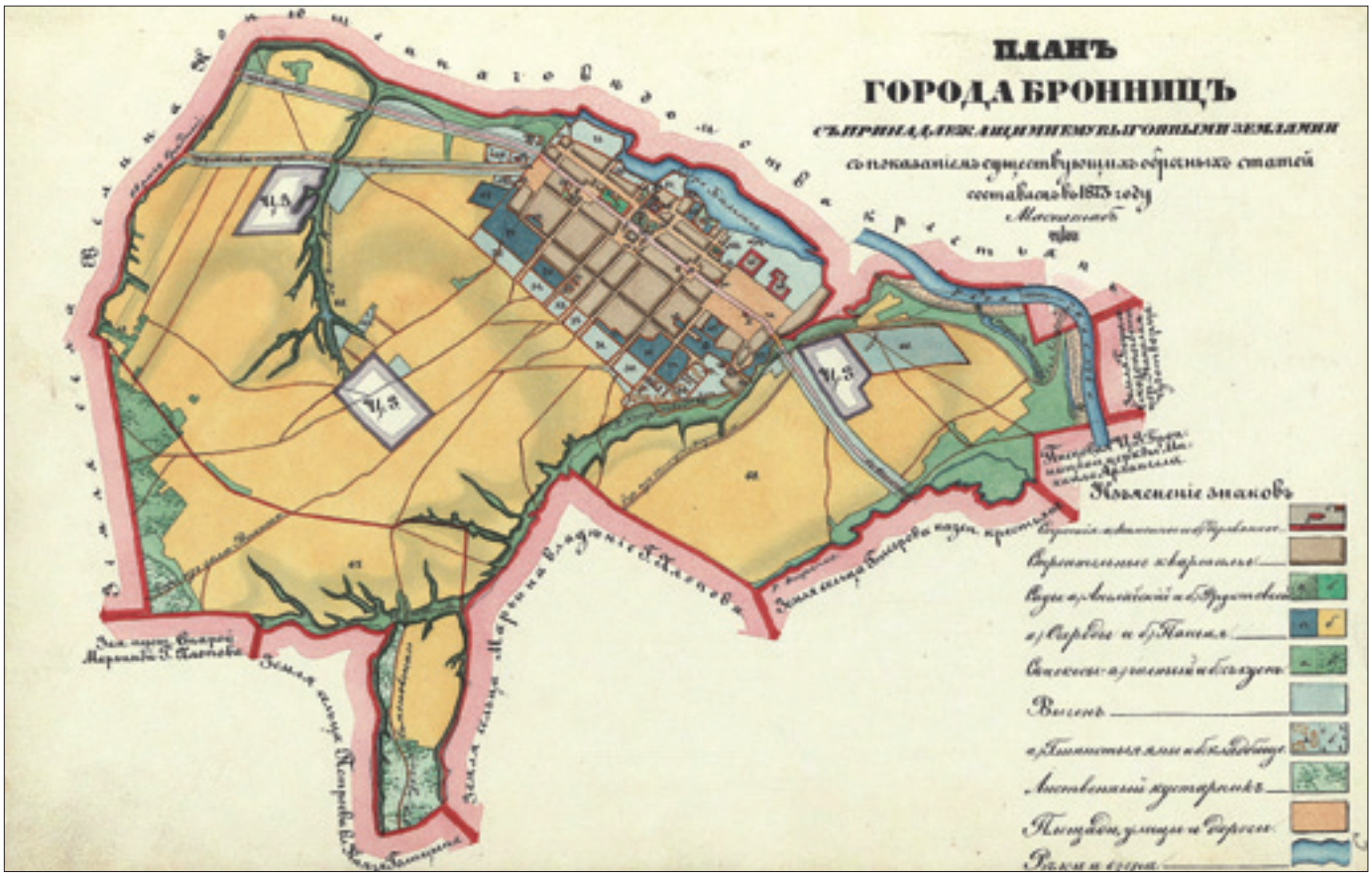
При приходе открыт Епархиальный центр древнерусской богослужебной традиции. В перспективе мы мечтаем сделать из него полноценную школу древлего благочестия — и это цель на годы вперед. Здесь можно заниматься исследованиями (благо, среди нас есть теологи), обучать всех желающих, приглашать именитых лекторов-единоверцев. Бывает, проводим открытые беседы о старом обряде и христианской вере для всех желающих.

Мы верим, что раскол XVII века в Церкви можно преодолеть. На все воля Божья, но мы трудимся на своем месте и ради врачевания этой великой раны. Ведь у нас есть старообрядцы? Значит, мы на правильном пути и от наших дел есть толк. Их мало? Да. Но для Бога одна душа человеческая дороже, чем весь мир. И мы никогда ни с кем не ссоримся, это наша принципиальная позиция. До конца мы будем «держать удар» и пытаться сохранять мир. Обычно помогает. С местными старообрядцами (и за пределами епархии) у нас добрые отношения. Мы верим, что древлее благочестие в Русской Церкви будет только возрождаться и с надеждой смотрим в будущее. Мы не хотим повторения «унылого» советского времени, а желаем торжества духа в нашей стране, такой атмосферы и такого горения сердец, с каким каждый из нас выходит из храма утром в воскресенье...

Душеполезное чтение

БРОННИЦКИЙ СПИСОК ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ

Продолжение, начало в номерах 1(77)–2(78)



План города Бронницы. *1873 год*

Бронницы впервые упоминаются в духовной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны, написанной в 1453 году. Это село княгиня завещала внуку — князю Юрию Васильевичу: «А из Коломенских своих сел даю внуку своему, кн(я)зю Юрию, свои ж прикуп, Велино, до Кривцево, да Бронниче»[1]. В духовной грамоте село Бронничи названо «прикупом» — из этого следует, что оно было куплено Софьей Витовтовной у некоего коломенского землевладельца. В 1472 году князь Юрий Васильевич завещал Бронницы Пафнутие-Боровскому монастырю[2].

В начале XVII века село Бронничи снова перешло в дворцовое владение: царь Михаил Федорович передал это село во владение Конюшенному приказу, ведавшему дворцовыми конюшнями и пастбищами. Благодаря окружающим Бронницы заливным лугам, расположенным в пойме Москвы-реки, во второй половине XVII века это село стало крупным центром коневодства — здесь появился царский конный завод. В 1705 году в Бронницах была построена каменная церковь Архангела Михаила, впоследствии ставшая собором.

Великий князь московский Василий I Дмитриевич и великая княгиня Софья Витовтовна. *Фрагмент большого саккоса митрополита Московского Фотия. XV век*

Царь Михаил Федорович. Рисунок из «Титулярника» («Большой Государственной книги»). 1672 год. *РГАДА. Ф. 135. Государственное древнехранилище хартий и рукописей. Отд. V. Рубр. III. № 7. Л. 40. Опубл.: Царский Титулярник. М., 2007. С. 40*

Спустя несколько лет, в 1709 году, Петр I пожаловал Бронницы, вместе с целым рядом других сел Коломенского уезда, своему сподвижнику — князю Александру Даниловичу Меншикову. После смерти Петра I Меншиков, благодаря которому на престол взошла вдовствующая императрица Екатерина I, получил практически ничем не ограниченную власть и стал фактическим правителем России. Но вскоре все изменилось: в 1727 году, вскоре после восшествия на престол Петра II, Меншиков попал в опалу, был арестован и сослан в Сибирь, а все его имущество было конфисковано. Тогда Бронницы, вновь ставшие дворцовым владением, вместе с соседним селом Велиным были переданы в ведение Дворцовой конюшенной канцелярии. Эта канцелярия управляла императорскими конными заводами и волостями, в которых они находились.

Портрет А. Д. Меншикова. *1716–1720 гг., неизвестный художник*

В 1781 году село Бронницы было преобразовано в уездный город Московской губернии, а за десять лет до того, в 1771 году,

это село постигла эпидемия чумы, свирепствовавшая в то время по всей Центральной России. Во время этой эпидемии прославилась своими чудесами Иерусалимская икона Богоматери — один из списков древней иконы.

СКАЗАНИЕ ОБ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ

История Иерусалимской иконы Богоматери из Бронниц известна нам благодаря двум сказаниям о ней, написанным в начале XX века двумя бронницкими священниками — протоиереем Василием Толгским и протоиереем Иоанном Добровым.

Протоиерей Василий Григорьевич Толгский (1842–1909) родился в селе Гнилушах Бронницкого уезда Московской губернии в семье местного священника Григория Васильевича Толгского. Духовное образование Василий Толгский получил в Коломенском духовном училище и Московской духовной семинарии. Он закончил семинарию в 1864 году, а в следующем 1865 году был рукоположен в священника и назначен в Знаменскую церковь села Комлева Рузского уезда Московской губернии. Этот приход был очень бедным, однако отец Василий сумел организовать в своем доме церковно-приходскую школу. Молодой священник мужественно преодолевал трудности, вызванные полным отсутствием средств, необходимых для создания школы. Денег не хватало даже на покупку книг и тетрадей, но отец Василий нашел неожиданный выход из положения: он стал учить детей читать, используя буквы, вырезанные из газет и наклеенные на картон. Впоследствии он так вспоминал об этом времени:

Протоиерей
Василий Григорьевич Толгский

«Не на что было купить книг и бумаги, так мы по вечерам всей семьей усаживались, бывало, за вырезку крупных букв из старых газет. Затем наклеивали их на картон. Вот назавтра и готово чтение по подвижным буквам! Запас их у нас образовался большой и дело шло успешно. А писали, за неимением бумаги, заостренными палочками по просеянному сухому песку, рассыпанному ровным слоем на столах»[3].

Он также организовал любительский хор школьников, что в те годы было редкостью: во многих приходах вообще не было хора и на клиросе пел только псаломщик.

В 1872 году отец Василий был переведен на новый приход — в Михаило-Архангельскую церковь погоста Дорков Бронницкого уезда. В Дорках он сразу же поставил вопрос о строительстве нового здания церковно-приходской школы: до того школа помещалась в небольшой и ветхой церковной сторожке. Благодаря стараниям отца Василия здание для школы было построено и в 1887 году освящено.

В Дорках отец Василий продолжил учить школьников церковному пению. Музыкальных пособий не хватало, и он стал разрабатывать большие настенные таблицы с текстами богослужебных песнопений и мелодией, записанной при помощи изобретенной им упрощенной двухлинейной нотной системы. Эти музыкальные

Соборные церкви в Бронницах.
Фотография советского времени

пособия были награждены дипломом Всероссийской художественной и промышленной выставки, проходившей в Нижнем Новгороде в 1892 году[4]. В Российской государственной библиотеке хранится написанная отцом Василием Толгским брошюра с объяснением его метода преподавания церковного пения[5].

В 1889 году отец Василий был избран секретарем и казначеем Бронницкого уездного отделения Московского епархиального училищного совета, а в 1896 году был утвержден в должности уездного наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамотности. Находясь на этих должностях, он активно распространял свои музыкальные таблицы по церковно-приходским школам Бронницкого и других уездов Московской губернии, а также пожертвовал немало книг для библиотек разных школ Бронницкого уезда[6].

В 1890 году священник Василий Толгский был назначен благочинным церквей первого округа Бронницкого уезда[7]. В 90-е годы XIX века число учеников дорковской школы ежегодно увеличивалось и отец Василий начал строительство отдельного здания для женской церковно-приходской школы. Новая школа была построена и освящена в 1895 году[8].

В 1900 году священник Василий Толгский был переведен из Дорков в Бронницы: он был назначен настоятелем бронницкого Михаило-Архангельского собора и возведен в сан протоиерея[9]. Прихожане погоста Дорков, провожая отца Василия в Бронницы, в память тридцатилетия его священнического служения и в знак благо-

Священник Иоанн Петрович Добров
с супругой Павлой Михайловной

Соборные церкви в Бронницах.
Фотография из книги протоиерея Иоанна Доброва

дарности за многолетние труды на дорковском приходе преподнесли ему золотой наперсный крест с украшениями, а духовенство благочиннического округа — адрес и икону его святого[10].

Отец Василий Толгский первым начал изучение истории почитаемой в Бронницах Иерусалимской иконы Богоматери, знакомой ему с самого раннего детства: в одном из рапортов, поданных в Московскую духовную консисторию, отец Василий пишет, что он, будучи уроженцем Бронницкого уезда, с детства помнил многолюдные крестные ходы с бронницкой святыней, а став священником, вместе со своими прихожанами многократно провожал икону из Дорков в Бронницы[11]. Работая над сказанием об иконе, отец Василий опирался на местные устные предания: сведения об истории иконы были получены бронницким протоиереем от настоятелей церквей Бронницкого уезда и его окрестностей. Используя собранные материалы, отец Василий написал краткое сказание об Иерусалимской иконе, изданное в 1908 году[12]. Это сказание было напечатано на отдельном листе и, по всей видимости, предназначалось для чтения с амвона во время проповеди. Протоиерей Василий Толгский также составил службу и акафист Иерусалимской иконе и подготовил к изданию более пространный вариант сказания, но в 1909 году он умер, не успев издать свой труд[13]. Похоронен отец Василий в Дорках возле Михаило-Архангельской церкви, в которой он прослужил почти тридцать лет.

Изучение истории Иерусалимской иконы Богоматери, начатое протоиереем Василием Толгским, продолжил протоиерей Иоанн Добров, служивший в бронницком Михаило-Архангельском соборе с 1895 года по 1922 год.

Протоиерей Иоанн Петрович Добров
с супругой Павлой Михайловной

Священник Александр Павлович Кедров
с супругой Ольгой Николаевной

Протоиерей Иоанн Петрович Добров (1869–1933) в 1890 году окончил Московскую духовную семинарию и стал учителем церковно-приходской школы при волоколамском Воскресенском соборе. Спустя год, 4 августа 1891 года, он был рукоположен в священники к Казанской церкви села Четрякова Коломенского уезда Московской губернии[14]. На новом приходе отец Иоанн стал проводить полемические беседы со старообрядцами и вскоре был назначен уездным миссионером. В конце 1895 года священник Иоанн Добров был переведен в бронницкий Михаило-Архангельский собор[15].

В Бронницах священник Иоанн Добров продолжил свое миссионерское служение: будучи уездным миссионером, он регулярно проводил миссионерские беседы со старообрядцами. О некоторых из таких бесед сообщали «Московские церковные ведомости».

В 1909 году, после смерти протоиерея Василия Толгского, священник Иоанн Добров был назначен благочинным церквей первого округа Бронницкого уезда. В 1914 году он был возведен в сан протоиерея. С 1917 по 1922 год отец Иоанн был настоятелем бронницкого Михаило-Архангельского собора. В 1918 году протоиерей Иоанн Добров вместе со священником Александром Кедровым был обвинен в контрреволюционной деятельности. В 1922 году он переехал в Москву и в феврале 1922 года был назначен настоятелем церкви Космы и Дамиана на Маросейке, впоследствии служил в Знаменской церкви в Зубове на Зубовской площади. В 1929 году отец Иоанн был арестован в связи с делом бронницких священников Иоанна Успенского и Александра Кедрова и 23 ноября 1929 года приговорен Особым совещанием при Коллегии ОГПУ к трем годам заключения

в исправительно-трудовом лагере. Отец Иоанн Добров был отправлен в Кемь-лагерь, откуда ему уже не суждено было выйти на свободу: 1 октября 1933 года он умер в тюремной больнице в Сыктывкаре[16].

Работая над сказанием об Иерусалимской иконе, отец Иоанн дополнил материалы, собранные отцом Василием Толгским, новыми подробностями, в частности, кратким очерком истории бронницких церквей и, по его собственному признанию, исправил некоторые неточности, допущенные его предшественником. Сказание об Иерусалимской иконе из Бронниц, написанное протоиереем Иоанном Добровым, было опубликовано в 1916 году[17].

Оба сказания, опираясь на местные предания, сообщают, что Бронницкий список Иерусалимской иконы Богоматери был написан в XVI веке с древнего византийского оригинала, привезенного в то время из Новгорода в Москву. Однако в более точной датировке они расходятся: Толгский датирует икону 1571 годом и указывает, что она была написана в год перенесения Иерусалимской иконы из Новгорода в Москву и отправлена в царское село Бронничи. Добров называет датой создания иконы 1500-й год, основываясь на памятной надписи на иконе, вернее, на ее ризе. Риза Иерусалимской иконы не сохранилась (она была изъята в 1920-е годы), и эта надпись известна нам только благодаря отцу Иоанну Доброву, процитировавшему ее в своей книге. Надпись гласит:

История написана на иконе Пресвятыя Богородицы Иерусалимския что в Успенском Соборе в Москве. И та святая икона написана святыми апостолами по вознесении Господни в пятое надесять лето в Гефсимании, идеже бе гроб Пресвятыя Богородицы. В лето же 5405 принесена из Иерусалима в Царь-Град Львом Великим во храм Пресвятыя Богородицы нарицаемыя Пига, еже есть источник, и быша тамо до царствования благочестивого царя Ираклия. И егда в том храме бе от тоя бысть, что помощию Ея многих от воюющих побиша до конца скифов победиша и от того времени принесена бысть в храм Влахернский многа чудеса сотвори и бяше тамо даже до Льва царя Премудрого в лето 5961 ради нашествия устремления воинов принесена тогда. В лето 6487 взяты мощи того священномученика Климента папы Римского и принесены в Киев и святыя иконы по ней Пресвятыя Богородицы образа принесены по крещении в Великий Нов Град. Такоже на сем образе древле писашеся по-гречески и обретеся же на славянском диалекте, яко повествоваше есть Новгородския Истории в лето 7008 и такожде повелением благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России и самодержца из Нова Града принесена в Москву и ныне же летом 7008 сей образ Пресвятыя Богородицы, что в Соборе Успенском в Москве[18].

Датировка протоиерея Василия Толгского представляется более вероятной: вполне естественно, что с новой святыни, перенесенной в Москву, были сделаны новые списки для церквей подмосковных царских сел, и маловероятно, чтобы в подмосковном селе оказался список иконы, сделанный в 1500 году в Новгороде. Кроме того, сам протоиерей Иоанн Добров указывает на неточности, содержащиеся в надписи на иконе, но в то же время он убежден, что дата написания иконы указана абсолютно верно:

Из этой надписи видно, что св. икона написана в 1500 году. Но в надписи сей годы перенесения св. иконы из Иерусалима в Царь-Град и пребывания ее во Влахернском храме показаны неточно. Так, напр[имер], император Лев Великий царствовал с 457 по 474 г., т. е. от сотворения мира в 5965–5982 гг., а не в 5405-м, как написано на д[о]ске. Император Лев Премудрый царствовал с 717 по 741 г., т. е. в лето от сотворения мира 6225–6249 гг., а не в 5961-м году. Но если эти неточности касаются времени написания иконы Богоматери, похищенной в 1812 году, то дата написания или, точнее выражаясь, списывания св. иконы Иерусалимской-Бронницкой, показана верно[19].

Непонятно, что же убедило отца Иоанна Доброва в том, что надпись на иконе,

содержащая целый ряд ошибочных дат, сообщает правильную дату написания бронницкой иконы. Не находя веских оснований принять датировку Доброва, я склоняюсь к версии, предложенной Толгским. Т.В. Толстая объясняет ошибочную датировку Доброва тем, что в надпись на окладе бронницкой иконы вкралась ошибка: вместо правильного года создания иконы – 7080 года от сотворения мира (то есть 1572 год по современному летоисчислению) был указан 7008 год (то есть 1500 год от Рождества Христова)[20].

Иерусалимская икона Божией Матери

Надо сказать, что в последние годы была предложена более поздняя датировка Бронницкого списка Иерусалимской иконы Богоматери. Ученый секретарь Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева Н.И. Комашко предположила, что эта икона была написана в конце XVII или начале XVIII века. В то время царский иконописец Кирилл Уланов написал несколько списков Иерусалимской иконы Богоматери из Успенского собора Московского Кремля. Самый известный из этих списков – Костромской список Иерусалимской иконы из Кривоезерской пустыни, написанный в 1709 году. Говоря о списках Иерусалимской иконы, созданных Кириллом Улановым, Н.И. Комашко упоминает Бронницкий список иконы и высказывает предположение, что он был создан именно этим иконописцем:

Иерусалимская икона Божией Матери

Думается, что с именем этого мастера [Кирилла Уланова – П.Ч.] *связана сильно утраченная икона Иерусалимской Богоматери из Бронниц, которая в XVIII–XIX вв. широко почиталась как чудотворная, особенно в южном Подмосковье. В XIX в. о ней было составлено особое сказание и выполнено довольно большое количество списков. Из-за аварийного состояния памятника анализ стилистических особенностей живописи и выявление авторского почерка в нем практически невозможны. Но, учитывая, что в начале XVIII в., когда этот образ появился в Бронницах и был поставлен в особой часовне, здесь для иконостаса собора Архангела Михаила писали иконы Тихон Филатьев и Кирилл Уланов, его можно с уверенностью отнести к творчеству Кирилла Уланова*[21].

Действительно, несколько икон для бронницкого Михаило-Архангельского собора были написаны в самом начале XVIII века Кириллом Улановым. Однако надо отметить, что в часовню, согласно бронницкому преданию, были помещены старые иконы, не поместившиеся в только что построенный

собор из-за того, что для него были написаны новые образа. Думается, что если бы Бронницкий список Иерусалимской иконы был написан Кириллом Улановым, то он вместе с другими иконами этого изографа был бы помещен в собор. Кроме того, для подтверждения этой гипотезы необходимо тщательное исследование самой иконы, но подобная работа не проводилась, да и непонятно, возможна ли она: изначальная живопись находится под записью, видимо, многослойной, и, как отмечает Н.И. Комашко, нынешнее состояние иконы делает выявление авторского почерка невозможным.

Надо сказать, что авторы XIX века были убеждены в том, что Иерусалимская икона Богоматери из Бронниц была написана в XVI веке. Так, Николай Иванчин-Писарев, описывая Бронницы в своей известной книге «Прогулка по древнему Коломенскому уезду», упоминает, что *«здесь, в главном храме, достопримечательна икона Богоматери Иерусалимския, писанная в 7008 (1500) году»*[22].

Продолжение следует

Петр Георгиевич Чистяков,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кандидат исторических наук

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 176.

2. Там же. С. 223.

3. *Толгская Н.В.* Имена в поминании. М., 1998. С. 6.

4. Там же. С. 7–9.

5. *Толгский В.Г., прот.* Краткое руководство к изучению пения. Подготовительная записка к изучению напевов церковного пения по двухлинейной системе. Бронницы, б/г.

6. *Толгская Н.В.* Имена в поминании. М., 1998. С. 9–11.

7. В благочиние первого округа Бронницкого уезда изначально входило десять церквей: бронницкий Михаило-Архангельский собор, Иерусалимская церковь и Успенская церковь на городском кладбище, Михаило-Архангельская церковь погоста Дорков, Дмитровская церковь погоста Дорков, Никитская церковь погоста Лужков, Покровская церковь села Осеченок, Предтечевская церковь села Новорождествена, Троицкая церковь села Троицкого-Раменского и Христорождественская церковь села Быкова. Впоследствии добавились вновь построенные храмы: Троицкая церковь при платформе «Удельной», построенная в 1897 году, Покровская церковь при речке Донинке (село Игумново), построенная в 1902 году, Петропавловская церковь при станции «Малаховка», построенная в 1903 году, Никольская церковь при деревне Малышевой, построенная в 1912 году, и Петропавловская церковь при платформе «Ильинская», построенная в 1915 году.

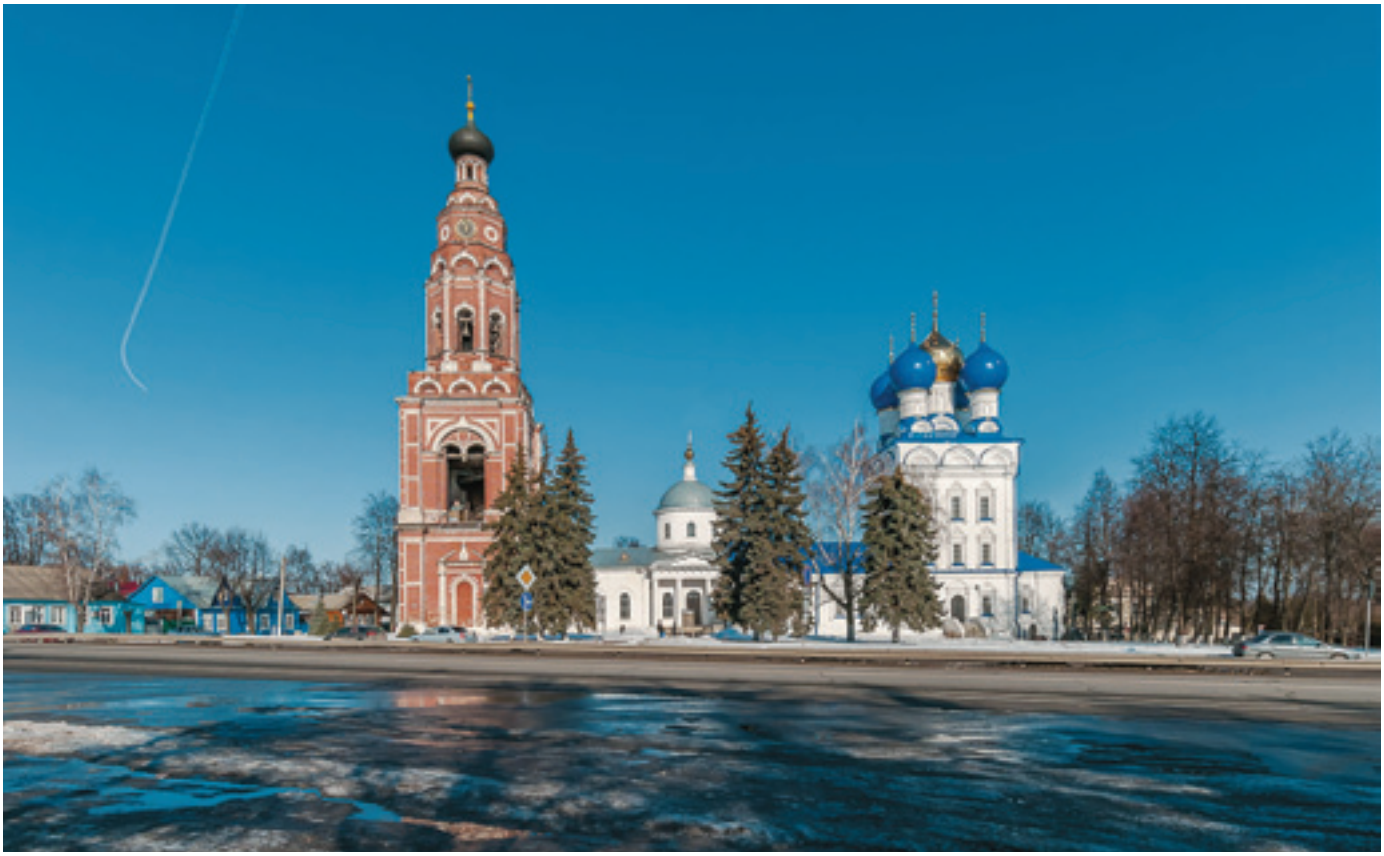
8. *Толгская Н.В.* Имена в поминании. М., 1998. С. 9.

9. Там же. С. 11.

10. Там же. С. 18.

11. ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 547. Д. 22. Л. 9 об.

12. *Толгский В.Г., прот.* Сказание о высокочтимой иконе Богоматери Иерусалимская, что в городе Бронницах Московской губернии. М., 1908. Переиздано: Журнал Московской Патриархии. 1996. № 10. С. 29–33. Также опубликовано внучкой протоиерея Василия Толгского Надеждой Васильевной Толгской в ее книге, посвященной истории семьи Толгских: *Толгская Н.В.* Имена в поминании. М., 1998. С. 26–36. Первая глава этой книги, посвященная о. Василию Толгскому, была издана отдельной брошюрой: *Толгская Н.В.* Бронницкий благочинный В. Толгский: Из истории Православной жизни родного края. Б/м., 1998.



Соборные церкви в Бронницах. *2016 год*

13. *Толгская Н.В.* Имена в поминании. М., 1998. С 25. Пространный вариант сказания об Иерусалимской иконе прот. В. Толгского неизвестен, но его текст в переработанном виде, скорее всего, вошел в сказание прот. И. Доброва.

14. РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 179. Л. 1 об.

15. *Вайнтрауб Л.Р.* Собор Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005. С. 116–119.

16. Там же. С. 116–119, 132, 138–139, 146–150, 170–172.

17. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). М., 1916. Переиздано с некоторыми сокращениями в историко-краеведческом альманахе «Богородский край»: Богородский край / Альманах. Ногинск-Богородск, 2000. № 2 (7). С. 7–15. Несколько лет тому назад сказание протоиерея Иоанна Доброва было издано приходом Михаило-Архангельского собора города Бронниц: *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). [Бронницы], б/г.

18. *Добров И.П., прот.* Чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская» в городе Бронницах, Московской губернии (историческое ее описание). М., 1916. С. 12–14.

19. Там же. С. 14.

20. *Толстая Т.В.* Икона «Богоматерь Иерусалимская (Гефсиманская)» из Успенского собора Московского Кремля и ее легенда // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999): Сб. статей / Отв. ред. М.А. Орлова. М., 2005. С. 661.

21. *Комашко Н.И.* Иконы «Богоматерь Иерусалимская (Гефсиманская)» письма Кирилла Уланова // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). М., 2005. С. 666.

22. *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844. С. 16.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

АНТОНИЙ БОРЗЫХ И ЛИЛИЯ ПЕРФИЛЬЕВА. БОРИС ВИКТОРОВИЧ ШЕРГИН

Борис Викторович Шергин (1893–1973) – русский писатель, публицист, собиратель северного народного творчества, художник-иллюстратор родился 16 июля (по старом стилю) 1893 года в городе Архангельске. Его отец Виктор Васильевич Шергин был архангельским помором, потомственным мореходом и корабельным мастером. Мать Анна Ивановна, в девичестве Старовская, коренная архангелогородка. Род Старовских происходил из потомственных староверов. В семье росли еще две дочери – старшая Нина и младшая Лариса.

Отец Бориса Викторовича – Виктор Васильевич Шергин. *1900 год*

Родители передали сыну любовь к народной поэзии, красоте поморского бытового уклада, трудолюбие и особенное теплое чувство к Северу, которое Борис Викторович пронес через всю свою жизнь. Он с детства постигал культуру северного поморского края: срисовывал орнаменты и заставки из старинных книг, учился писать иконы в поморском стиле, расписывал домашнюю утварь.

В 1903 году Борис поступил в приготовительный класс Архангельской мужской губернской гимназии, лучшее учебное заведение города в то время.

Спустя два года умер его отец Виктор Васильевич Шергин.

В 1911 году Борис познакомился с московским художником, директором художественной школы-мастерской Петром Ивановичем Субботиным, который посоветовал ему поступать в Строгановское художественное училище.

В 1913–1917 годах учился в Строгановском центральном художественно-промышленном училище. В это время познакомился с собирательницей северного фольклора артисткой Ольгой Эрастовной Озаровской. С 1915 года Шергин начал выступать с былинами и сказками в Москве и Петербурге. Ольга Эрастовна познакомила молодого писателя с пинежской сказительницей Марией Дмитриевной Кривополеновой. В те же годы он встретился с фольклористом, литературоведом, преподавателем Московского городского народного университета Юрием Матвеевичем Соколовым, который организовал выступление Бориса Викторовича на одном из заседаний «Общества любителей русской словесности».

В 1915 году Борис Викторович вступил в Архангельское общество изучения Русского Севера. В 1915–1916 годах в газете «Архангельск» публикуются первые произведения Шергина – статьи «Творю память Великому Новгороду», «Былина в Архангельске»; рассказы «Пафнутий Осипович Анкудинов»,

«Василий и Снафида», «Наталья Петровна Бугаева»; очерки о Марии Дмитриевне Кривополеновой «Отходящая красота», «Старина о Соловецком разорении», «Старина о князе Михаиле».

В 1916 году Отделение русского языка и словесности Академии наук командировало Б.В. Шергина в Архангельскую и Вологодскую губернии для записи диалекта, произведений фольклора и уточнения границ архангельского и вологодского говоров. В своем письме к Ю.М. Соколову от 8 августа 1916 года Шергин пишет: «А я вот за свой материал беспокоюсь. Ведь я серьезно интересоваться фольклором только после знакомства с Вами начал, а если раньше и интересовался, то только что в старообрядческом духе. Ведь и на старины свои я очень мало обращал внимания. В детстве они меня интересовали как сказки. Потом я все почти забыл. М.Д. Кривополенова разбудила во мне почти забытое. Но все-таки мне кажется, что всецело и серьезно я не могу увлечься фольклором в широком смысле. Когда я ездил по Шенгурскому уезду, мне не раз случалось встречаться с людьми, предубежденно относящимися к старообрядчеству. Случалось мне с ними «пратися о словеси». Я с жаром «грызся за веру». И действительно, это очень все важно и серьезно. И живучи в Москве, мне было важнее всего узнать, которая вера правая — поморская или белокриницкая. Староверчество — это та стихия, в которой я могу раствориться душой и как художник и просто как человек... И потом мне как-то странно и вроде как бы обидно: вот когда я пою стихи и старины соответствующего содержания, то к этим стихам и старинам (Иосиф, Пустыня, Гроб, Соловецкое разоренье) в Москве относятся просто как к отжившему, прекрасному может быть прошлому и серьезно проняться никто не хочет. А ведь это все божьи люди сложили и все это надо. Это не сказки вроде "небылицы в лицах". Но я теперь люблю и то, и другое. На многое шире взглянул и вижу новую красоту наравне со старой»[1].

Мать Бориса Викторовича — Анна Ивановна Шергина. *1900 год*

В 1917 году Борис Викторович по окончании Строгановского училища возвращается в Архангельск с дипломом художника по прикладному искусству.

В 1917–1919 годах Шергин работал регистратором статистического отдела при Губсовнархозе, был сотрудником Архангельского общества изучения Русского Севера. В то же время он работал художником-инструктором в кустарно-художественных мастерских Архангельского губернского Совнархоза, занимался возрождением традиционных северных ремесел.

В 1919 году с Борисом Викторовичем случилась большая беда — вагонеткой ему отрезало правую ногу и несколько пальцев на левой ноге.

В 1921 году его пригласили в Москву в Институт детского чтения Наркомпроса. Здесь он работал художником-рецензентом по оформлению и иллюстрации детской и юношеской книги. Выступал перед разными аудиториями с рассказами о Севере. Проживал в полуподвальном помещении в Сверчковом переулке.

С 1922 по 1930 годы научные статьи и доклады Шергина печатались в журнале «Новая детская книга». С 1923 года Б.В. Шергин — член Архангельского общества краеведения. В 1924 году в Москве вышла первая книга Бориса Викторовича «У Архангельского города, у корабельного пристанища».

В 1929 году возникли новые проблемы со здоровьем — из-за постоянных головных болей и прогрессирующей близорукости писатель потерял зрение в правом глазу.

С 1933 по 1936 годы Борис Викторович выступал на радио с чтением своих рассказов. В своей автобиографии он писал о своей нелегкой жизни и творчестве: «Несмотря на трудности передвижения (я ношу протезы), прогрессирующую близорукость и гипертонию, я продолжаю работать и печататься как писатель и как художник-график. Мною собран и начат обработкой громадный устно-поэтический материал по философии труда и ремесла. По этой линии Гослитиздат заключил со мной договор на книгу "Народ-художник". К несчастью, новое кровоизлияние в единственном моем рабочем левом глазу сделало меня по-видимому окончательным инвалидом»[2].

Гимназист Б.В. Шергин.
1911 год

В 1934 году Шергин был избран делегатом на Первый Всесоюзный съезд писателей от Московской писательской организации. Он стал членом Союза советских писателей. В этом же году перешел на профессиональную литературную работу.

В 1936 году вышел сборник новелл и сказов Бориса Викторовича «Архангельские новеллы», а в 1939 году — книга «У песенных рек».

В годы Великой Отечественной войны Б.В. Шергин выступал в госпиталях, военных частях, школах. Это один из самых трагических моментов в жизни Бориса Викторовича. В письме к Александру Ивановичу Вьюркову от 8 июля 1942 года Борис Викторович писал: «Еще в июне 1941 года, денно-нощная бомбардировка и пожары выгнали нас из Москвы в деревню. (Во глубокой осени, три четверти Москвы ночевали в окрестных лесах и борках). Мы убежали без всего, можно сказать наги и босы. Предполагали вывезти одежду и постели позже. Но въезд был уже закрыт. В августе мы узнали, что фугасными бомбами разрушен наш переулок. Брат ходил в Москву. В нашем доме не оказалось ни окон, ни дверей, ни крыши... В конце ноября, когда немцы подошли к Хотькову — Софрино, мы опять бежали в Москву. В страшную эту зиму, без электричества, без дров, с замерзнувшим водопроводом и канализацией, мы питались фунтом хлеба в день и водой. Я раньше заболел авитаминозом, перешедшим весной в настоящую цингу... В марте у меня отекли ноги, живот, лицо. В апреле меня положили в больницу... После больницы, так как оттаявшая к весне штукатурка московской квартиры валилась окончательно (вернее остатки штукатурки) я опять лежал в деревне... Беда беду родит: голодовка отразилась на моем зрении. Я совсем не могу читать, а пишу лишь по догадке и привычке. Заработков нет. Только 250 рублей пенсии и вторая группа инвалидности...»[3]

Находясь в состоянии между жизнью и смертью, Борис Викторович думает о творчестве, планирует свою будущую работу, печалится о людях, с которыми познакомился в своих неутомимых трудах по сохране-

М.Д. Кривополенова и Б.В. Шергин

нию народного слова и народных бытовых традиций. В своем заявлении в правление Литфонда он пишет: «В течение ряда лет я записываю поэтические образные высказывания народа о своем труде. Поморы судостроители, ярославские ткачи, вологодские кружевницы, гончары, столяры, швецы, их глубокий профессионализм, древние цеховые традиции, легенды, песни, афоризмы дали мне единственный в своем роде материал по народной философии труда. В планах разрабатываемой на эту тему книги мною обследованы, кроме архангельского и вологодского Севера, такие гнезда исконно народного искусства, как Ростов Великий и его окрестности, Загорск и Богородское, Хотьково и Морозово с окрестными деревнями, Переяславль и другие. Искони знамениты эти места игрушками, фарфором, деревянной резьбой, тканьем, набойкой и т.п. В результате воздействия фабричной промышленности, эти народные искусства считались исчезнувшими. Но в 1941 году мне удалось разыскать здесь и познакомиться с представителями древних народных цеховых традиций и навыков.

Живы два Мафусаила кукольника, учителя которых работали у Попова при Александре I. В деревне Морозове живут сестры игрушечницы, нерушимо хранящие технику и стиль голландских инструкторов, присланных сюда Петром Первым.

Есть крестьяне живописцы и резчики, ученики абрамцевской мастерской, когда там работали Врубель, Васнецов, Поленов, Мамонтов...

Этих представителей древнего бытового искусства осталось очень немного. И все

это глубокие старики и старухи. Талантливейшие из них уходят наиболее быстро. В текущую зиму умерло трое таких мудрецов. Я не смог уловить и десятой доли их богатств... Лето 1942 года будет для многих по древности их, последним. Надо записать этих избранных людей»[4].

В 1947 году вышла в свет книга «Поморщина-корабельщина», объединившая произведения, с которыми Борис Викторович выступал в годы Великой Отечественной войны. В автобиографии, которую Борис Викторович продиктовал своей сестре Ларисе Викторовне, говорится: «В 1947 году вышла книга "Поморщина-корабельщина" — это также запись устных моих рассказов о Севере. Отдельные сказки, рассказы, новеллы печатались в "Литературной газете", "Известиях", "Ленинградской правде", в газетах, издаваемых в Архангельске, в журналах "30 дней", "Октябрь" "Смена", "Пионер», "Вокруг света", "Нева", "Колхозник". В этом цикле Алексей Максимович Горький считал лучшим сказ "Рождение корабля"... И в устных моих рассказах и в книгах моих сохраняю я особенности северной речи, и слушатели и читатели мои ценят этот мой стиль»[5].

В 1957 году в издательстве Детгиз вышла книга «Поморские были и сказания» (книга переиздавалась в 1971 году). В следующем году в том же издательстве в серии «Книга за книгой» выходит сборник былин в пересказе Бориса Викторовича под названием «Авдотья Рязаночка» (сборник переиздавался три раза: в 1965, 1977, 1982 годах). В 1959 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга поморских рассказов «Океан — море русское».

Осенью этого года умирает Анатолий Викторович Крог (1895–1959), дальний родственник Бориса Викторовича, как он его часто называл «богоданный брат», «брателка», «названный племянник». Анатолий Викторович многие годы жил вместе с Борисом Викторовичем в квартире на Сверчковом переулке. Он самоотверженно заботился о часто болеющем Борисе Викторовиче, вел домашнее хозяйство (в годы Великой Отечественной войны спасал его от голода), помогал записывать литературные произведения (Борис Викторович диктовал свои работы вслух, писать много самостоятельно не мог по причине прогрессирующей болезни глаз).

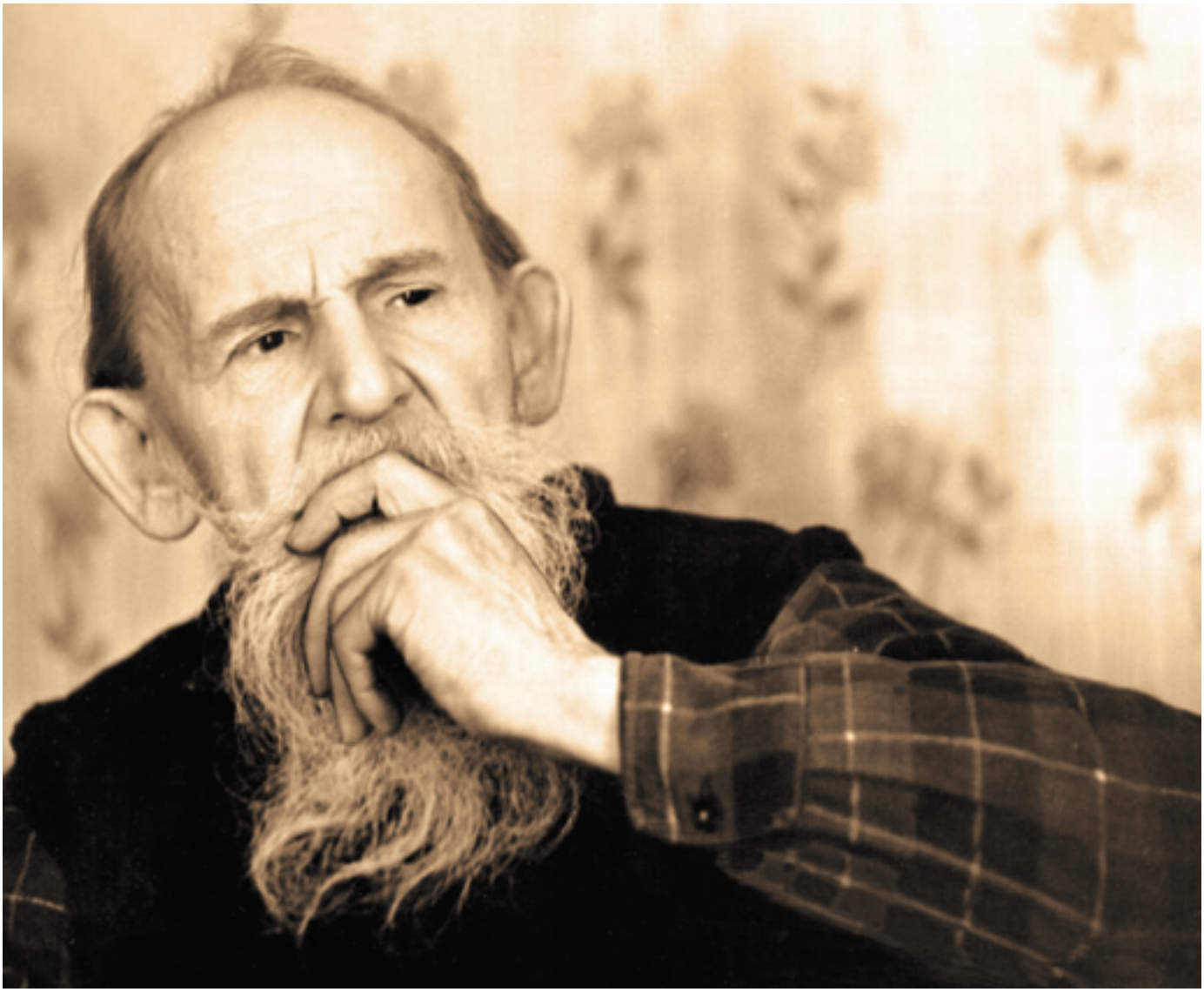
В 1960 году Борис Викторович переселяется с Сверчкова переулка на Рождественский бульвар, в комнату коммунальной квартиры.

В 1963 году в Детгизе вышла книга былин «Илья Муромец», в следующем году в серии «Школьная библиотека» публикуется сборник русских пословиц и поговорок «Добрый молодец».

В 1967 году Борис Викторович Шергин был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В этом же году в издательстве «Советский писатель» вышел его сборник «Запечатленная слава» — наиболее полное собрание творчества писателя (сборник переиздавался в 1983 году). В 1969 году в издательстве «Детская литература» вышла в свет книга пословиц в рассказах «Незабудки». В 1970 году в издательстве «Малыш» выходят сказки Бориса Викторовича Шергина «Небылицы в лицах». В издательстве «Детская литература» напечатана книга «Гости с Двины» (книга переиздавалась в 1972 году). В 1971 году в издательстве «Малыш» выходит книга «Ваня Датский» (книга переиздавалась в 1979, 1982, 1988 годах). На родине Бориса Викторовича в Северо-Западном книжном издательстве (город Архангельск) вышел сборник сказов, былей, новелл «Гандвик — студеное море» (книга переиздавалась в 1977 году).

Умер Борис Викторович Шергин 31 октября 1973 года, он был похоронен в Москве на Кузьминском кладбище.

После смерти писателя по его произведениям были сняты художественный фильм «Матвеева радость» (1985), режиссер Ирина Поплавская; мультипликационный альманах «Смех и горе у Белого моря» (1988), режиссер Леонид Носырев; мультипликационные фильмы «Дождь» (1978), «Волшебное кольцо» (1979), «Поморская быль» (1987), «Mister Пронька» (1991), «Пинежский Пушкин»

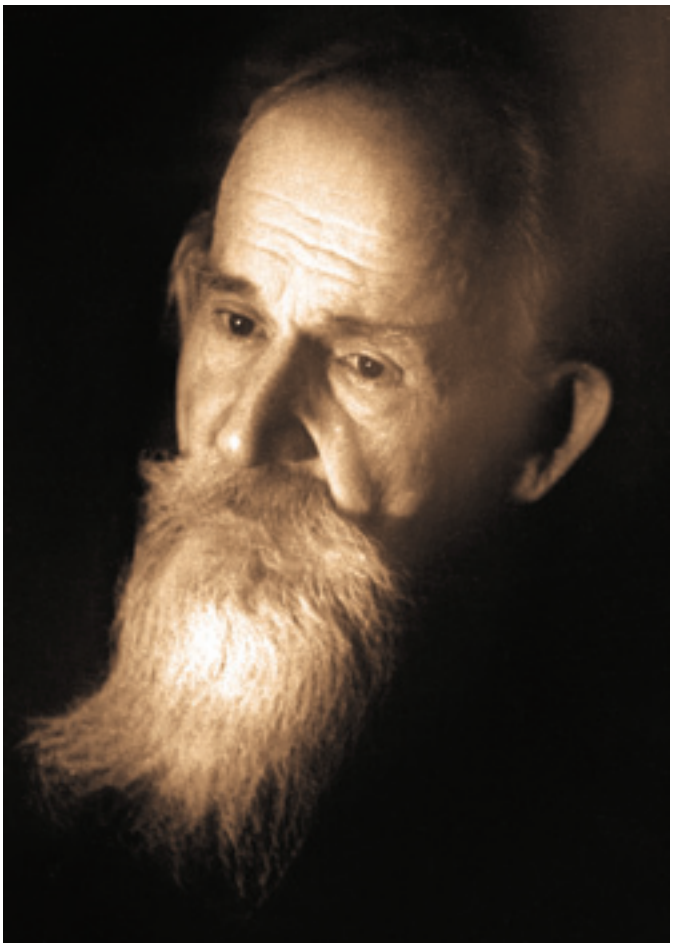


Борис Викторович Шергин. *1970 год*

(2000), режиссер Леонид Викторович Носырев, «Чудо-мороз» (1976), режиссер Цезарь Оршанский.

За биографическими данными, датами, фактами из жизни Бориса Викторовича скрывается совершенно удивительный человек. Большую часть своей жизни Борис Викторович вел дневник. В его записях нет сетования на жизнь, обиды на людей, описания эпохальных событий XX века. Это дневник — исповедь, беседа с Богом. Через дневниковые заметки мы погружаемся в духовный мир писателя, в мир православного человека, который живет в центре Москвы, но одновременно путешествует и живет в разных веках, погружается в глубину русской истории. На страницах дневника открывается потаенный мир писателя, мудрого хранителя староверческой книжности, живого народного слова. Борис Викторович живет думами о России, печалится о потерянных традициях, в своих мыслях возвращается на любимый Север, в мир своего детства и юности.

О Борисе Викторовиче в своих заметках очень хорошо написал русский писатель, литературовед, публицист Федор Александрович Абрамов (1920–1983): «По искренности, по наивности Шергин перекликается, вероятно, только с одним писателем в русской литературе — с протопопом



Аввакумом. Но у Аввакума искренность, душевность очень земная «плотская», хотя он и лицо духовное. У Шергина искренность ребенка, святого старца, всемудрого, отрешившегося от всех земных страстей, научившегося всех прощать... Искусство Шергина сродни иконе. Икона – в литературе. И сродни народному творчеству. У Шергина все идеально, во всем склад и лад. Были и страсти, была жестокость, но все братская любовь. Шергин – это как бы рай, спущенный на землю. Было ли это в жизни? Было. И всюду подмечал идеальное. Таков уж он был по складу своему. И отбор слов соответствующий. Нет плотскости»[6].

Федор Александрович Абрамов читал дневники Шергина еще в рукописи, когда об их существовании знали только близкие люди. Он оставил свои впечатления в записной книжке: «Прислал дневники Юра. Едва расшифровал. Господи, что за слово. Что за доброта... Пошел искать книгу. Нет книги... Почему не издают? Думаю, думаю; кто он? Почему не был в Архангельске? Чем жил? Сходить к Б. Шергину, к племяннику. На могилу»[7].

Знакомство с Борисом Викторовичем через его сокровенный дневник, отрывки из которого мы начнем публиковать в следующем номере нашего издания, поможет нам услышать доброе слово, прикоснуться к духовной мудрости. В наше время такое чтение, как лекарство от злобы и суеты.

Этот писатель смог подняться над миром страданий, житейских неурядиц, бедности, непонимания и жить в свете, идущем от святых из прошедших веков. Будем читать и открывать для себя мастера слова, доброго и светлого человека Бориса Викторовича Шергина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шергин Б.В.* Собр. соч.: 4 т. / Сост., послесловие Шульман Ю.М. и Шульман М.Ю. М.: ИЦ «Москвоведение», 2015. С. 418–419.

2. *Шергин Б.В.* Праведное солнце. Дневники разных лет. / Подготовка текстов дневников, статья «Сокровенный Шергин», краткая библиография. Е.Ш. Галимова. СПб.: «Библиополис», 2009. С. 638.

3. *Шергин Б.В.* Собр. соч.: 4 т. С. 423–424.

4. Там же. С. 425–426.

5. *Шергин Б.В.* Праведное солнце... С. 640.

6. *Абрамов Ф.А.* Светлые люди, СПб. 2007. С. 404.

7. Там же. С. 397–398.

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

А. СЕВАСТЬЯНОВ

ВРАГИ

Христос Воскресе!.. Христос Воскресе!.. Христос Воскресе!.. — трижды произнес священник сельской церкви, осеняя крестом собравшихся к пасхальной обедне крестьян.

— Воистину Воскресе! — как ропот могучей волны раздался дружный и чистосердечный ответ прихожан на это приветствие батюшки.

Молчаливая дотоле толпа загудела и тесной гурьбой направилась к кресту, христосуясь по пути друг с другом.

Только один человек — мельник с Запрудневской мельницы, Силантий Кузьмич Толстопятов, все еще стоял у свечного ящика и, держа в руке кулич и мешочек с крашеными яйцами, казалось, и не думал идти ко кресту.

— Вы что же это, Силантий Кузьмич, не желаете прикладываться-то? — спросил его церковный староста.

— Нет, как это не желать!.. В нынешний праздник не приложиться ко кресту — грешно... Опять же и с причтом надо похристосоваться...

— Так что же вы не подходите?..

— А вот дожидаюсь, когда народ схлынет малость… Вишь, теснота какая… Замнут…

В действительности же Силантий Кузьмич боялся не тесноты, а встречи в толпе с Пафнутием Назаровым, с бывшим своим должником, который перед самой Пасхой расплатился с ним. И расплатился-то только потому, что Силантий Кузьмич свел у него со двора последнюю коровушку и отобрал семена овса и гречихи, которые Пафнут берег для весеннего посева, сам с семьей частенько недоедая из-за того в течение зимы.

Сознавал в душе Силантий Кузьмич, что нехорошо, а главное — «не по-божески» сделал он, окончательно разорив мужика-односельчанина, и неловко ему было встретиться с ним в этот праздничный день. По христианскому обычаю христосоваться надо, а как он подойдет к Пафнутию с пасхальным приветствием, когда неделю назад он стал заклятым врагом его. Пафнут сгоряча и с горя обозвал его тогда Иудой-христопродавцем.

— Иуда!.. Ну пусть буду я Иудой, — сказал ему тогда Силантий Кузьмич и поддразнил: — А все-таки коровка-то твоя с овсецом и гречихой мои теперь!..

— Да ты последний крест рад снять с человека, потому Иуда ты окаянный, — не унимался отчаявшийся Пафнут.

— Что же, и крест сниму, — согласился Силантий Кузьмич. — Задолжал, так надо ж с тебя чем-нибудь получить… Не граблю ведь, а свои беру…

— Свои ли? — упрекнул Пафнут, и упрекнул справедливо. — Свои-то ты давно получил с меня работой... Стало быть, задаром работал я у тебя с семьей все лето, упуская свое собственное?.. Ведь по уговору я долг тебе этим отрабатывал... Только одно и сделал я нехорошо, что, на совесть твою надеясь, не взял от тебя назад свою расписку долговую. Думал, ты сам разорвешь ее, как оправданную, а ты, пользуясь ею, пришел теперь вторые деньги с меня получать. Бери, Иуда окаянный!.. Авось и моим добром когда-нибудь подавишься... Не пойдет оно тебе впрок и отольются тебе когда-нибудь наши сиротские слезы... Помни это!..

Похолодело тогда сердце Силантия от этих слов Пафнута, и оробел он. «Что это? Угроза?» — подумалось ему.

С тех пор Силантий Кузьмич стал бояться этого мужика. Дом свой окружил злыми цепными собаками, которых на ночь выпускал из конур, и они бегали вокруг дома по две с каждой стороны. Себе он купил в городе шестизарядный револьвер, и никуда шагу не делал без этого оружия. Только сегодня в храм не взял он его с собой, да и то потому, что как-то совестно и стыдно было идти в церковь с оружием в кармане. «Будто вор на большую дорогу!» — подумал он и выложил револьвер из кармана. Но теперь Силантий Кузьмич пожалел об этом и именно потому, что увидел в храме среди молящихся Пафнута, которого он не рассчитывал встретить в церкви, думая, что тому и выйти-то не в чем — так обчистил его перед праздником Силантий Кузьмич. Но Пафнут, очевидно, раздобыл лапти у соседа и пришел да и стал-то как назло прямо перед ним, загородив своей спиной Силантию Кузьмичу вид на растворенные Царские врата и видневшийся за ними алтарь.

— Ишь, хам... Ровно он и перед Богом-то ближе меня находится! — подумал Силантий Кузьмич, однако не только не полез вперед, а, наоборот, нарочно остался сзади и умышленно прятался за другими молящимися, стараясь, чтобы Пафнут не видел его. Пафнут действительно не замечал его. Он усердно молился, истово творя крестное знамение и тихо-тихо подпевая с детства заученные праздничные молитвы.

Но Толстопятову казалось, что Пафнут тайно следит за ним, наблюдает — где он стоит, с кем говорит и когда будет выходить из храма. А этого совместного выхода их храма Силантий Кузьмич боялся больше всего.

Пасхальная обедня кончилась рано. Далеко еще до рассвета. На улице темно, даже заря не брезжила на востоке. Силантию Кузьмичу не по душе было это раннее окончание пасхальной обедни. Боялся он дороги лесом в темноту... Ведь и луна-то, как на грех, не светила. Одни звезды горели. Но что их блеск для земли? Лес велик, а Силантий Кузьмич безоружен... Шутка ли, пройти пять верст лесом, и с таким заклятым врагом, как Пафнут.

«Непременно он только этой ночи ждал, и в церковь пришел для того, чтобы меня выследить, а по дороге нагнать и убить», — думал Силантий Кузьмич. Руки его, державшие кулич, дрожали, по телу бегали мурашки от ужаса, а по лбу, несмотря на жару в церкви, выступали капли холодного пота. И Толстопятов, переводя свои взгляды на иконы, молил о том, чтобы Бог помиловал его «от напрасной смерти»...

Последним подошел Силантий Кузьмич похристосоваться с батюшкой. Равнодушно поцеловал он крест, трижды облобызался со священником и пошел к остальным по порядку, целуя сначала иконы, потом державших их. Рука его вынимала из мешочка крашеные яйца и раскладывала их по блюдам. Его поздравляли с праздником, но он не слышал этого приветствия. В голове его была одна мысль: «Может быть, этот поцелуй-то мой последний, прощальный... предсмертный... А с женой, с детишками так, видно, и не придется похристосоваться... И кулич мой к ним не попадет...»

И страшно становилось Толстопятову. «Господи, — думал он, оглядывая церковь, — может быть, в последний раз мне тут живым-то быть приходится... Может быть, завтра принесут меня сюда мертвого... Да и то не понесут, пожалуй, в церковь-то... Найдут меня в лесу с пробитой головушкой... О-о-о Господи!.. Страшен Суд Твой и велико мое прегрешение!..»

И в первый раз в течение всей своей жизни горячо и искренне раскаялся Силантий Кузьмич во всех своих грехах и пожалел о том, что нечестно поступил с Пафнутом. «Кабы этого не было, то незачем бы мне бояться этого мужика, — думал мельник, — шел бы я теперь с ним рядком да разговаривал бы ладком... А теперь он для меня страшней волка... Вот то-то, грехи наши тяжкие!.. И на что только я польстился?.. Если б еще своего добра мало!.. А то ведь всего много, всего в запасе, с избытком даже, да попользоваться-то им, пожалуй, не придется!.. Вот дойду до лесу, а там и...»

Силантию Кузьмичу страшно было даже подумать, что может быть с ним «там».

Он нагнулся на дороге, отбил ногой примороженный большой камень и спрятал его в свой пустой теперь мешочек, где до того у него были крашеные яйца. «Все, хоть есть чем оборониться», — подумал он с глубоким вздохом, боязливо озираясь по сторонам.

А ночь, как на грех, перед рассветом стала еще темнее. Звезды меркли и гасли, но заря еще не загоралась. Только бледная, чуть заметная светлая полоска блестела над лесом на том месте, где со временем разгорится заря...

Шел Силантий Кузьмич, едва переводя дух от страха и волнения. Заденет ли нечаянно плечом куст, хрустнет ли под его ногой сухая ветка или замерший ледок лужицы, мгновенно сердце его так и захолодеет... Ему чудится, что это

Пафнут бежит сзади, нагоняет, хватает за плечи... Вот сейчас полоснет его чем-нибудь тяжелым или острым по голове...

У Силантия Кузьмича шумело в ушах, в глазах прыгали красные точки, а волосы на голове шевелились, точно перебираемые чьей-нибудь рукой. Он шел, чутко ко всему прислушиваясь и боязливо оглядываясь по сторонам, ожидая нападения из-за каждого куста.

Но, слава Богу! Лес почти пройден. Вдали видны уже просветы. Еще каких-нибудь три-четыре минуты ходу, и Силантий Кузьмич на поле, а там до родной деревни рукой подать! Да полем и идти веселей... Все не так опасно.

Задыхаясь от пережитых волнений и усталости, Силантий Кузьмич, точно безумный, выскочил из леса и... вдруг остановился, словно чем-то пришибленный. Здесь, на опушке леса, почти лицом к лицу он столкнулся с тем, кого опасался встретить всю дорогу...

На небольшом бугорке под сосенкой, совсем при выходе из леса, на поле сидел Пафнут и переобувал свои промокшие лапти.

«Вон он где изымать-то меня хочет», — промелькнуло в голове Силантия Кузьмича, и он похолодел от ужаса.

Руки его задрожали, колени подогнулись.

А Пафнут переобулся уже, увидел его, узнал и пошел к нему навстречу. Лицо радостное такое, улыбающееся... Глаза так и светятся...

— Кто это?.. Это вы, Силантий Кузьмич? — спросил он ласковым, но, как казалось Толстопятову, вкрадчивым голосом: — Христос Воскресе, Силантий Кузьмич!

Пафнут потянулся поцеловать мельника и сунул в его руку что-то небольшое, круглое, холодное...

— Во... во... истину! — прошептал в страхе Силантий Кузьмич и с ужасом попятился от объятий Пафнута.

— Это что ж у тебя такое? — прошептал он, отстраняя от себя руку своего врага.

— Яичко вам... По христианскому обычаю...

— Яичко?.. Ах, да... да... Спасибо, брат ... Погоди, сейчас и я тебе в ответ ...

Силантий Кузьмич поспешно опустил руку в мешочек, но вместо яйца там только камень ему попался. И вмиг будто молнией осенило мужика: «Господи! Враг мой, кровный враг, которого я же сам обидел и разорил по жадности своей, и тот для меня яичко у себя нашел ради Твоего Светлого Воскресения. А я... что приготовил ему?.. Не давать же ему камень вместо яйца!»

И больно, и стыдно, и неловко стало ему. В первый раз у него все перевернулось внутри. Понял он свой дикий, бесчеловечный поступок, и бесконечная

жалость к этому кроткому, стоявшему перед ним мужику, и стыд до жгучей боли в душе объял его. Слезы застлали глаза, что-то заклокотало в горле. Силантий Кузьмич упал перед Пафнутом на колени и, обнимая его ноги, молил:

— Пафнутушка, голубчик, прости ты меня Христа ради!.. Все, все и за всех прости... Сегодня Воскресшим Господом прошу тебя я о том. А что я неправильно взял у тебя и у других, я все отдам обратно. Пойдем, с тебя первого начну.

И, подхватив изумленного Пафнута под руку, Толстопятов повел его к своему дому.

— Вот твоя коровка, бери, а овес с гречихою я ужо сам привезу... с лихвою... А это вот за бесчестье тебе, — и он сунул в руку Пафнута десятирублевый золотой.

Не помня себя от радости, возвращался Пафнут домой, ведя за собой на веревочке свою буренушку. Что было силы застучал он в ворота своего дома. Выбежала жена отпереть ему, да в изумлении всплеснула руками.

— Что-то, прости Господи, да ты никак с ума сошел, воровством занялся в такой день! Откуда у тебя буренушка?

Но по сиявшему лицу Пафнута видно было, что не воровством вернул он свою буренушку.

— Нет, Маша, это Бог возвратил! — ответил он. — А это, вот — показал он деньги, — дало нам красное яичко.

Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: *священноархимандрит Иринарх (Денисов)*
Ответственный за выпуск: *протоиерей Евгений Саранча*
Дизайн и верстка: *Я. Хорева*
Корректоры: *Н. Яшина, П. Чистяков*
Фото: *протоиерей Евгений Саранча, А. Афонин, Г. Бибик, В. Демин, В. Разумов*

Дорогие читатели, нижайше просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Исуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.